

ВОСПОМИНАНИЯ О ЧЕЧЕНСКОЙ ВОЙНЕ

В 90-х годах прошлого века на Северном Кавказе сошлись в кровной схватке за власть и нефть две преступных группировки: условно говоря, ельцинско-гайдаровская и дудаевско-басаевская. Война, названная для отвода глаз контртеррористической операцией, была спровоцирована безумным призывом пьяного президента России: “Берите суверенитета столько, сколько сможете проглотить”.

Как бы ни лгали нынешние историки-ельциноиды, что кремлёвские мудрецы той эпохи спасли страну от “югославского варианта” – гибель сотен тысяч людей в Таджикистане, Карабахе, Фергане, Баку, Сумгаите, Приднестровье иначе, чем гражданская война, назвать невозможно.

Сколько погибло в пламени этой войны на Северном Кавказе обманутых чеченских и русских юношей, сколько было изувечено и пропало без вести, когда-нибудь подсчитают честные историки... Но известно, что более двухсот тысяч русских людей, мирных жителей были изгнаны из городов и сёл Северного Кавказа, что спасло их от смерти и насилия. Они стали беженцами в родной стране, превратились в никому не нужный шлак истории.

Но, в отличие от беженцев Великой Отечественной, которые уходили на Восток и везде, благодаря тогдашнему братскому обществу и ответственной власти, обретали крышу над головой, работу, средства к существованию, нынешние, 90-х годов беженцы, были просто выброшены из жизни...

31 августа исполняется 15 лет со дня подписания генералом Лебедем предательского Хасавьуртовского соглашения. Когда Лебедь торжественно, с видом чуть ли не гениального дипломата показал на телеэкране всей стране эту бумажку, он был похож на слабоумного Чемберлена, возвратившегося в 1939 году из гитлеровского Мюнхена и заявившего английскому народу:

– Я привёз вам мир!

После Хасавьурта последние русские люди были изгнаны из Чечни, а в 1999 году началась вторая чеченская война.

Подлый Запад с молчаливым одобрением наблюдает за этой преступной политикой, не угрожая кремлёвским авантюристам ни Гаагским трибуналом, ни международным судом. Он, этот Запад, исповедовал принцип Трумэна, озвученный последним во время нашей войны с фашистской Германией: “Пусть русские и немцы убивают друг друга. Чем больше они убьют, тем лучше”. Западу нужна колониальная кремлёвская администрация, которая держит деньги (в том числе и нефтяные чеченские) в западных банках, которую можно шантажировать и которой поэтому можно управлять.

Михаил Полторанин в своей книге “Власть в тротиловом эквиваленте. Наследие царя Бориса” вспоминает о том, как генерал Грачёв, докладывая Ельцину о штурме Грозного в новогоднюю ночь 1995 года, произнёс кощунственные слова: “Наши мальчики умирали с улыбками на губах!”

В отличие от этого лакея, другой генерал, Лев Рохлин не принял от Ельцина орден за Чечню: “За победы в гражданской войне над собственным народом награждать нельзя” – такое правило исповедовал он.

Память об истории и об исторических событиях в разных слоях общества разная. Одна память – у березовских, козыревых, грачёвых, другая – у искалеченных солдат, у солдатских матерей, у обездоленных беженцев, у сослуживцев убитого посреди Москвы полковника Буданова. А размышления эти родились после того, как мы в редакции прочитали стихи Юлии Артюхович, бывшей беженки из Чечни, живущей ныне в Волгограде.

Станислав Куняев

ЮЛИЯ АРТЮХОВИЧ

ГУДЕРМЕССКИЙ БАЗАР

* * *

Монотонно гудит гудермесский базар,
И туманит рассудок полуденный жар.
Здесь за пыльным прилавком мы с сыном вдвоем
Свою прошлую жизнь по кускам продаем.

Кошелек, шитый бисером, черной парчи...
Я в нем раньше носила от дома ключи.
Мне его привезли из далекой страны.
Но разрушен наш дом. И ключи не нужны.
А из этих бокалов с хрустальной резьбой
Мы шампанское пили на свадьбе с тобой.
Только свадеб, похоже, не будет пока.
Для поминок сойдет и граненый стакан.

Нашу жизнь по прилавку пришлось разложить,
Будто тело под взглядом чужим обнажить.

Почему твои щеки горят от стыда?
Не смущайся, сынок, это все ерунда.

Про базар ты придумай смешную игру
В именитых гостей на богатом пиру:
Мы — лихие купцы из заморской земли,
Драгоценных товаров полны корабли.
Потерпи, скоро все продадим мы с тобой
И с тугим кошельком возвратимся домой.
Мы купцы-молодцы, веселы и щедры...
Хоть чуть-чуть бы пожить по законам игры!

А пока продадим еще пару вещей
И накупим продуктов на несколько дней.
Шелестит сторублевками рыжий портфель.
Ну, на сколько богаче мы стали теперь?
Все в порядке, сынок, собираем товар.
На неделю прощай, гудермесский базар,
Мы сюда в воскресенье вернемся опять
Свою прошлую жизнь на продукты менять.

РУССКАЯ ПЕСНЯ

“Кто уехал — молодцы,
Кто остался — мертвецы!” —
Пишут краской по стене
Приговор тебе и мне.
На воротах — мелом крест,
У порога — “мерседес”:
“Уезжай, Иван, домой.
Твой квартира будет мой!”

А Иван родился здесь.
И жена, и дети есть.
Есть работа и жилье,
Только больше не свое.
И приходится молчать:
До Москвы — не докричать,
До властей — не добежать.
Значит, надо уезжать.

ПОКА СТРЕЛЯЮТ НЕ В ТЕБЯ

В веселых бликах солнечного света
Цветами пахнет грозненское лето.
Пока стреляют не в тебя.

На площади российский флаг разорван.
Разбитый танк на винтики разобран.
Пока стреляют не в тебя.

Вот очередь за хлебом — пыльной лентой,
Ты в ней застыла скорбным монументом.
Пока стреляют не в тебя.

Жаль, хлеба, как обычно, будет мало,
А за спиной — толпа на два квартала.
Пока стреляют не в тебя.

Белый взрыв за черным лесом?
Вспышка яркая огня?

И за черными ветвями
Смерти белое лицо?
Сдернут черными руками
С пальца белого кольцо...

* * *

Я несу свое горе молчаливо и гордо
По извилистой тропке из мрака на свет.
Моя русская песня с перерезанным горлом
Где-то в горном ущелье умолкла навек.

Я держу за зубами мое русское имя,
Будто в жаркой пустыне последний глоток.
Мое русское слово под губами сухими
Кровоточит, клокочет, как бурный поток.

Я — лишь маленький камень на дороге джихада.
Я — песчинка страданий в грязи и пыли.
Вы меня сапогами не бейте. Не надо!
Мое русское сердце не плачь, не боли!

Я тропинкою узкой шагаю упрямо
Мимо тех, кто проклятья вослед мне кричит.
А на кладбище русском моя русская мама
Под разбитым надгробьем скорбно молчит.

МАЧЕХЕ-РОССИИ

Здесь для нас — ни свобод, ни закона,
Что остались еще на Руси.
Вся Чечня — как огромная зона.
Где “не бойся”, “не верь”, “не проси”.

Здесь мы ходим у самого края
То здоровье теряем, то жизнь.
Проиграла ты нас, проиграла...
Хоть живую в могилу ложись.

Никому не нужны мы на свете,
Ты забыла своих сыновей.
Знаем: мы — незаконные дети.
Не люби. Но хотя бы не бей!

НА УЛИЦЕ МОЕЙ

На улице моей
Военная зима.
Без окон и дверей
Озябшие дома.

К знакомому двору,
Который стал ничей,
Бреду я по ковру
Из битых кирпичей.

Обугленные пни —
Как черные цветы.
Остались лишь они
В саду моей беды.

Осталась только пыль
Да серая зола.
Осталась только быль.
А сказка умерла.

МОЙ АНГЕЛ

Где же ты, мой милый? Где же ты, родной?
Ангел быстрокрылый, прилетай за мной!
Где же ты, мой светлый, бродишь по Руси?
Навести, проведай. Сохрани-спаси.

Светит, да не греет полная луна.
Прилетай скорее, я совсем одна.
Дальние уснули, ближние ушли...
Вдруг плечо, как пули, слезы обожгли:

Ангел, как ребенок, плачет горячо.
Голос слаб и тонок за моим плечом:
“Церковь — под камнями, купол — без креста.
Долго нас гоняли по чужим местам.

Ветры вольной воли закружили нас.
От жестокой доли я тебя не спас.
Я спешил в тревоге и не ел, не пил,
Мне огонь в дороге крылья опалил.

Изболел-истаял, слабый и слепой,
Я уже не чаял свидеться с тобой.
Ты прости, родная, за вину мою.
Доживай, как знаешь. Встретимся в раю”.